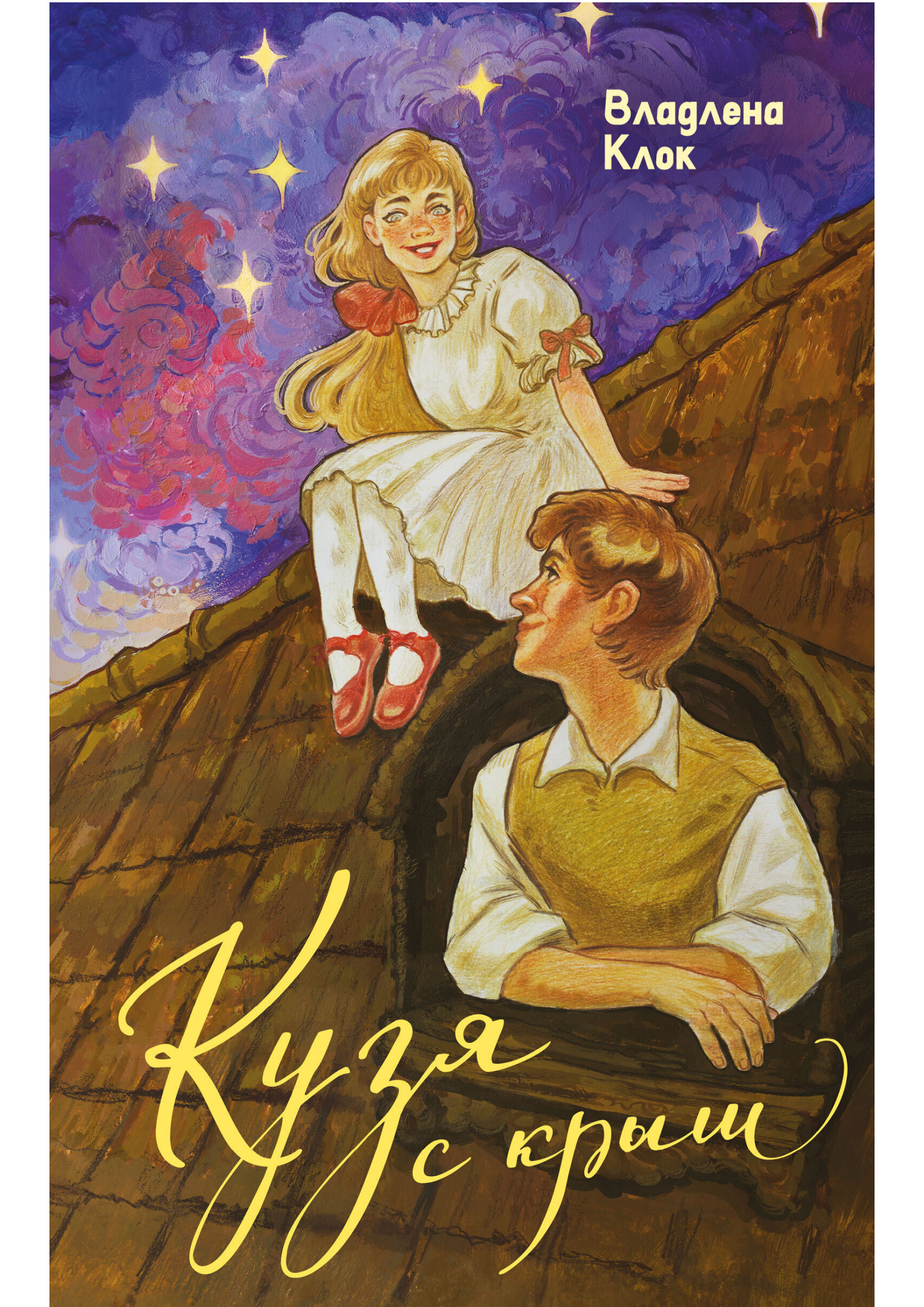

An artistic illustration in a painterly style. A young girl with blonde hair, wearing a white dress with a large red bow at the collar and red shoes, sits on a dark wooden roof. She is looking down at a young boy with brown hair, who is wearing a white shirt and a yellow vest. The boy is looking up at the girl. The background is a deep purple and blue night sky filled with swirling clouds and several bright yellow stars. The overall mood is magical and whimsical.

Владлена
Клок

Кузя с крыш

Когда расправляются крылья. Истории о вере и ясном сердце

Владлена Клок

Кузя с крыш

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Клок В.

Кузя с крыш / В. Клок — «Эксмо», 2026 — (Когда расправляются крылья. Истории о вере и ясном сердце)

ISBN 978-5-04-255847-4

История, что погрузит в незабываемые летние приключения. После страшного школьного инцидента Влада на лето отправляют к дедушке в деревню. В захолустье, где, как кажется парню, умирают мечты, он неожиданно знакомится с Кузей, девушкой, что не покидает крыш и не видит в нем угрозы. Пытаясь выплыть из водоворота вины и боли, Влад все лучше начинает понимать деревню, ее жителей и самого себя. Станет ли наказание его тюрьмой или свет маяка направит в мирную бухту? Книга о взрослении, первой любви и надежде, которая поможет обрести опору даже в зыбучих песках реальности.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255847-4

© Клок В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Посвящается моей семье	9
Воспоминание первое	10
Воспоминание второе	13
Воспоминание третье	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Клок В. Кузя с крыш

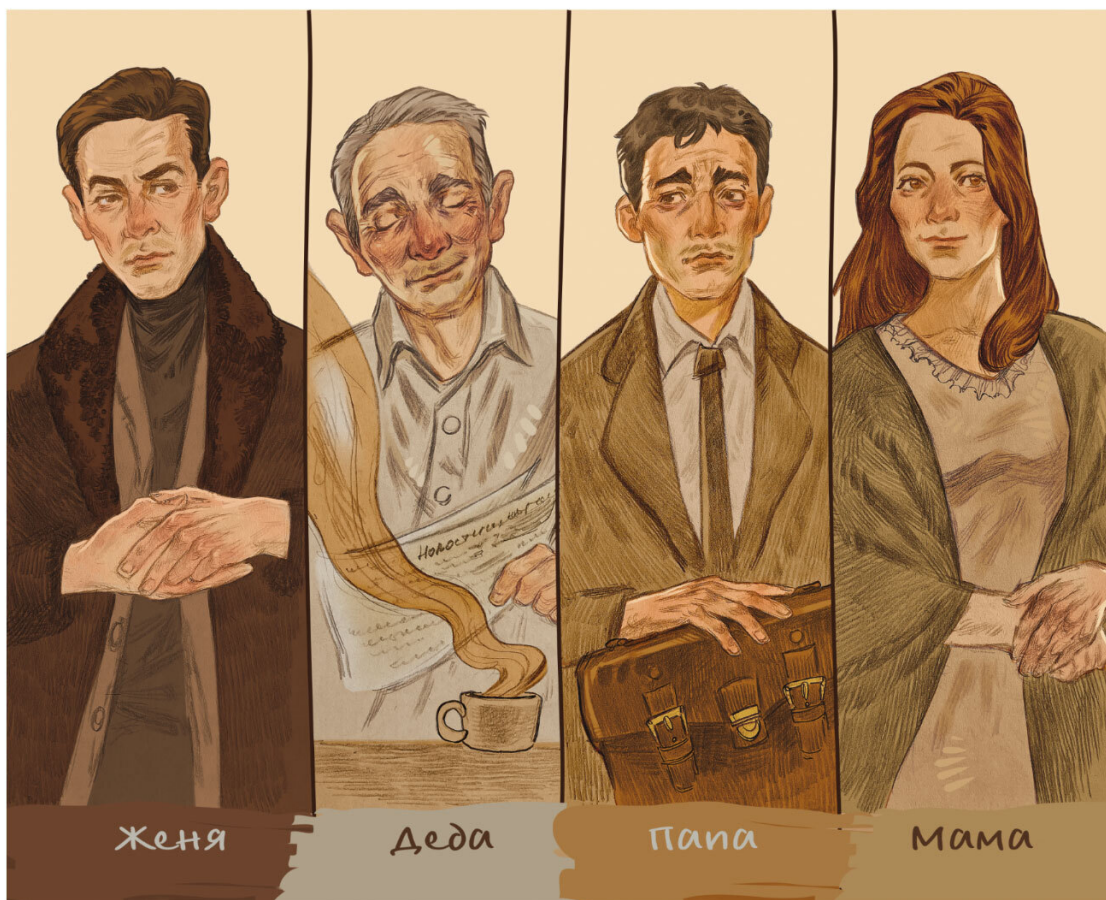
© Владлена Клок, текст, 2026

© Баира Буваева, шмуцтитулы, 2026

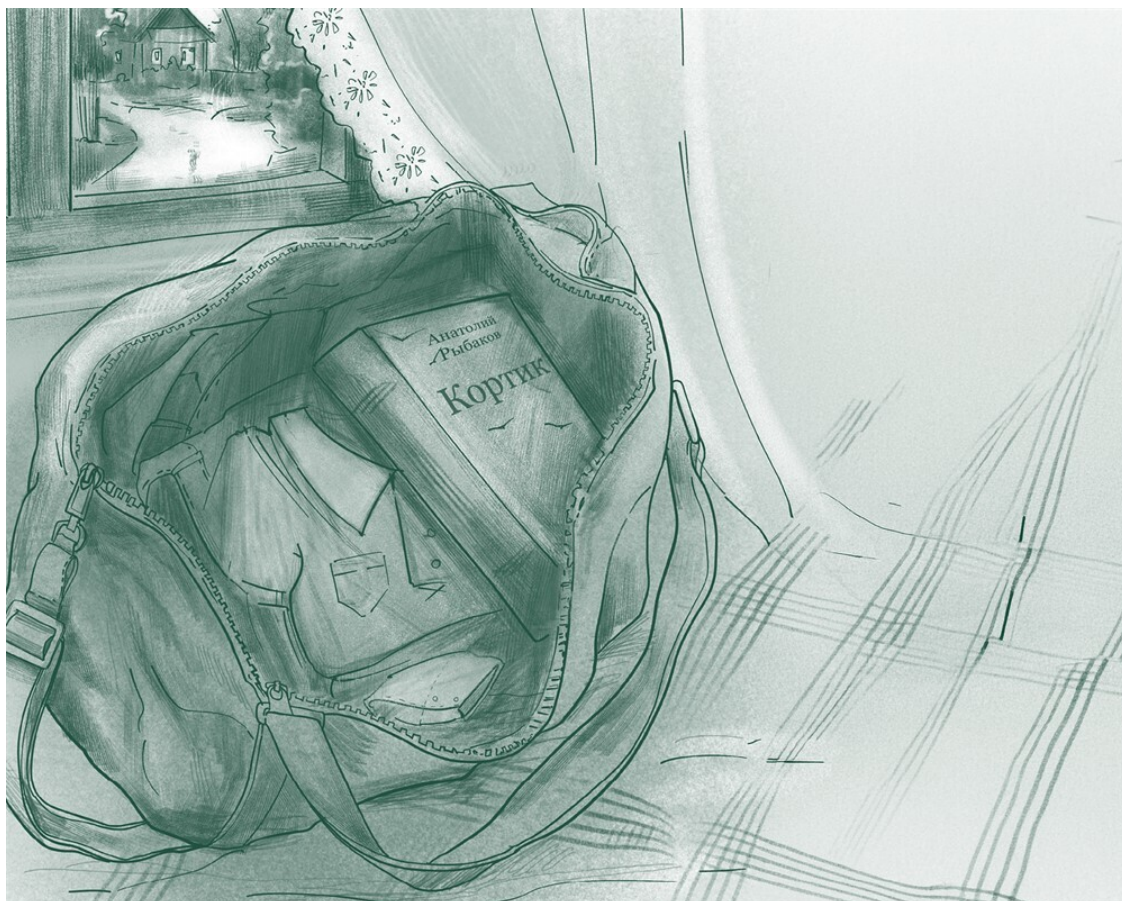
© Amadei Kolin, обложка и форзацы, 2026

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Мой дорогой читатель!

В жизни каждого человека есть боль, потери и черные полосы. Своим произведением я хотела подарить надежду. Показать, что даже во времена мрака, когда каждая новость бьет сильнее предыдущей, надо найти свет, зацепиться за него и двигаться дальше, даже если силы оставили тебя. Среди темных оттенков всегда есть белоснежные моменты, прекрасные, хоть и непродолжительные. Будь то встреча с подругами, красивый закат, хороший фильм или теплые объятия – они стоят того, чтобы не сдаваться. Надеюсь, дочитав эту книгу, ты обнаружишь на лице умиротворенную улыбку и вздохнешь полной грудью. Ведь в этом жутком, враждебном мире всегда есть островки счастья!

С любовью,
Владлена
Клок
☺

Посвящается моей семье

Маме, которая сохранила в душе ребенка и научила меня видеть красоту там, где остальные ее не замечают.

Папе, самому безвозмездно доброму человеку на свете, который учит меня прощать и дает силу быть мягче.

Старшему брату, который все детство меня защищал и терпел любые мои капризы с безграничной любовью. Каждый твой стих живет в моем сердце, и я жду твои новые произведения!

И моему чудесному **мужу**, который поддерживает мои мечты, помогает оставаться собой и не опускать руки.

Ты моя половинка, благодаря которой я больше не боюсь темноты, тишины и самой себя.

Я очень вас люблю, даже не представляете насколько.

Воспоминание первое

Гнев

– Почему ты не можешь быть нормальным? Все, о чем я просил, когда забрал тебя к себе, – не создавать проблем. И что сделал ты?

Влад раньше никогда не видел, чтобы дядя настолько выходил из себя. Со стороны это могло бы показаться обычной выволочкой, потоком нотаций. Дядя даже не кричал – просто ходил по комнате из стороны в сторону, заложив руки за спину.

– Ты меня разочаровал, Влад. Это позор. Просто позор. – Евгений Олегович наконец остановился и впился взглядом в опущенную макушку мальчика.

Влад хотел поднять голову, объяснить. Но это ничего бы не изменило. В ушах у него до сих пор стоял хруст. Крик боли. Вздохи. Возгласы. А в глазах стояли слезы. Если бы он посмотрел на дядю, все это хлынуло бы наружу. Его никогда не простят. Сегодня Влад своими руками разрушил две жизни.

Дядя недовольно цыкнул и отошел к окну. Видимо, обдумывал план наступления на племянника. Уже смеркалось. Из приоткрытого окна доносились шаги; кто-то рассмеялся, не стискивал гул машин. Все куда-то двигались; мир почему-то не остановился, чтобы дать Владу подумать и пережить случившееся.

Мальчик рассматривал синие носки с шестеренками, которые ему вручили на презентации университетской программы. Он быстрее всех справился с тестовым заданием, его так хвалили. Ни один учитель в школе не сомневался, что Влад станет лучшим выпускником: будущий золотой медалист, пример для остальных, гордость школы. Только идеальная картинка пошла трещинами в тот момент, когда он не справился с гневом, который многие годы держал на привязи. Зачем он полез? Надо было, как раньше, сидеть на скамейке, зарывшись в учебник и отгородившись наушниками. Игнорировать этот жестокий мир подростков, бурлящих гормонами и эмоциями. Всегда первый в учебе, Влад был последним в общении. Когда два года назад мальчик переехал из Рязани в Москву, дядя велел ему не отвешивать. Город возможностей, где нет места отдыху и провалу. Столица, которая дает миллион возможностей, но всегда готова их отнять. Влад должен был освоиться здесь, чтобы родители не волновались за него, когда он станет студентом, переедет в общежитие и начнет жить один.

– Ты не можешь вечно прятаться. Дядя Женя научит тебя самостоятельности и дисциплине, но даже он не сможет найти тебе друзей, – угрюмо говорила мама, помешивая суп. – Так что пора выбираться из раковины. Ты же очень хороший мальчик: добрый, искренний.

Влад усмехнулся или всхлипнул. В той буре эмоций, что царил в его душе, было сложно разобраться. Хороший ли он? Нет. Правильный и послушный. Взрослым он всегда нравился именно за это. Воспитательница в детском саду хвалила его: он не плакал, не разбрасывал игрушки, не кричал. Потому что уже тогда смутно понимал, что нужно делать, чтобы тебя погладили по голове. Взрослые были его щитом от других детей. Когда его звали играть, он просто вставал, подходил к воспитательнице и показывал что-нибудь в книжке. Она слушала, задавала вопросы, и дети постепенно отставали. Разве плохо хотеть быть одному? Не нужно никем притворяться, можно не бояться ссор и скандалов. Ему не приходилось делиться игрушками, он мог выбрать себе любую роль в сюжетах, разворачивавшихся в воображении. Его одинокий мир принадлежал только ему.

– Молчишь. Как обычно. Ты трус, совсем как твой отец, – сказал дядя, отходя от окна и прикладывая телефон к уху.

Влад наконец поднял голову и взглянул на него. Общение с дядей всегда было пыткой. Фразы-приказы. Никаких сомнений, только приговоры, которые не требовали доказательств.

Мальчику хотелось встать и ударить дядю. Повалить на пол и бить, пока тот не извинится. Папа Влада был добрым, но сыну это не передалось. Внутри него плескался тихий океан гнева, который так и норовил окончательно утопить едва державшегося на плаву мальчика. Евгений Олегович – статный, высокий, с идеальной выправкой и завидно успешной карьерой – был Владу не по зубам. Он прошел через битвы, о которых Влад знал только обрывками, и очерствел настолько, что возненавидел собственного брата, слишком мягкого. Дядя видел мир исключительно в темных красках: в тених его вселенной прятались враги, а слабость была равносильна гибели. Оттого ему было противно смотреть, как брат Витя в очередной раз попался на уловки мошенников, спотыкался на ровном месте и по выходным писал свои «картинки». А ведь это были маленькие шедевры – ожившие кусочки природы, красоту которых люди обычно не замечали или проходили мимо них.

– Как был слабаком, так и остался. Посмотри на себя: какой пример ты подаешь собственному сыну?

В тот день дядя как раз приехал забрать Влада в Москву. И именно в тот день на папу напали какие-то подростки. Он не дал сдачи детям, зато отдал кошелек и старую потрепанную сумку с ноутбуком. Когда Витя вошел домой, его одежда была в грязи, а под глазом наливался фингал. Он ничего не ответил брату, только пожал плечами и пошел мыть кровоточащие ладони, содранные об асфальт. Вода текла из крана, разбивая тишину квартиры и тяжелое молчание, повисшее между братьями.

И сейчас Влад молчал. Если мама узнает, что он набросился на собственного дядю, он перестанет быть хорошим мальчиком. Хотя терять ему было уже нечего. Мысли заглушали все вокруг, но сквозь их плотную завесу он все равно слышал голос дяди: тот отдавал кому-то распоряжения, не терпящие отказа.

– Собирай вещи. Завтра садишься на первую электричку и едешь к деду. Тебя ждет незабываемое лето со скучным стариком в деревне.

Дядя скривил губы в пренебрежительной, полной желчи, улыбке. Он делал это опять. Оскорблял любимых людей Влада. Собственного отца, который так и не выбрался «из бедности в люди», как любил напоминать дядя. Нужно было срочно закрыться в комнате: там была подушка, которая поглотит крик и ярость кулаков.

– Стоять. Телефон выключаешь и кладешь на тумбу. Его ты с собой не возьмешь. Я сам поговорю с твоим отцом, объясню, кого он воспитал. Считай это исправительной колонией. Никаких игрушек и звонков мамочке.

– Поэтому у тебя и нет семьи, – огрызнулся Влад и швырнул телефон в стену.

Прежде чем дядя успел отвесить ему «воспитательную» пощечину, мальчик забежал в комнату и запер дверь. Он вытащил спортивную сумку, которую ему прислали родители. Она уже полгода пылилась под кроватью: дяде так и не удалось запихнуть племянника в секцию борьбы. Зато теперь Евгений Олегович знал, что племянник умеет махать кулаками. Влад остервенело швырял вещи в сумку. Схватил «Кортис», замахнулся – и остановился. Из зеркала на него смотрело чужое, искаженное лицо: сжатые зубы, сгорбленные плечи, злые глаза. Влад опустил голову на колени и аккуратно положил книгу поверх вещей. Подарок папы. Книга о хорошем, отважном мальчишке. О человеке, который умел защищать, а не калечить. О том, кто видел грань.

Когда сумка была собрана, Влад лег на кровать прямо в одежде и накрылся одеялом с головой. Он уснул только к рассвету – и во сне снова увидел фильм ужасов, сотворенный его собственным поступком.

Хруст, крик, острые углы лестницы. Слезы, сопли. Любимая учительница закрывает глаза; она похожа на скульптуру плакальщицы, которая однажды заморозила Влада в музее. «Что же ты наделал?» Руки дрожат, в глазах Ани плещется страх – настоящий ужас. Она осе-

дает на пол. Теперь Аня боится не одноклассника, корчащегося от боли у лестницы. Она боится Влада.

Воспоминание второе

Дом

Линии проводов проносились за окном черными волнами. Влад прислонился лбом к прохладному стеклу. Дребезжание, отдававшееся во всем теле, перекрывало ком, застрявший в горле. В вагон вошел потрепанный парнишка с баулами в руках, голося о самой выгодной покупке – ручке, которую можно стирать. «Вот мое будущее», – подумал Влад.

Родителей Ильи в школе знали все. Даже если бы дядя сослал племянника в Усть-Ижму, это не спасло бы Влада от наказания. Богатые люди, которые спонсировали всю школу и, если верить слухам, директорский карман в особенности. Илья любил щеголять брендами и ходил по школе как король, осматривающий владения. Помыкал «крестьянами». Дрался. Зависал во время уроков с другими хулиганами в туалете, окутанном мутным дымом. Выворачивал портфель Влада, ставил ему подножки, исписывал парту матом.

Девятый и десятый классы были днем сурка, в котором менялись только уроки. Влад получал новые знания и копил в себе тонны обид. Тогда он представлял, как построит огромную роскошную ракету, пожмет руку Маску и в день запуска увидит в толпе Илью. Тот будет переступать с ноги на ногу в ожидании автографа. И Влад его даст: распишет мятую бумажку теми же словами, которые видел выцарапанными на своей первой парте.

Но сейчас Влад воображал другую картину: письмо с иском, заплаканную маму, папу с темными кругами под глазами, долги за адвокатов. Мальчик не удивился бы, если бы в суде дядя давал показания против него. Он рассказал бы всем о вмятине на стене от прилетевшего телефона.

– Владислав опасен для окружающих. Он неуравновешенный. Трус. Псих. Позор!

Влад построил ракету, которая отправит его не к звездам, а напрямик за решетку – за причинение тяжкого вреда. А Илья будет стоять, если сможет, и ухмыляться, как делал это всегда. И в зале суда будет сидеть испуганная Аня с широко распахнутыми карими глазами, похожими на срез древнего дуба.

Электричка дернулась. Влад подскочил. Его остановка. Двери с грохотом захлопнулись, чуть не закусив его футболкой. Успел. Влад смотрел вслед уходящему составу. Он мог бы не бежать – остался бы в вагоне и уехал куда-нибудь. Подружился бы с тем пареньком, продавал бы ручки, накопил денег. А что дальше?

Отгнав бессмысленную выдумку, Влад двинулся по пыльной дороге, усеянной острыми камнями. Он чувствовал себя ягненком, ведомым на заклание. Последнее школьное лето он проведет без телефона. А ведь там была вся его жизнь: интернет, приложения, увлекательные видео. Он любил слушать подкасты о тайнах Бермудского треугольника, смотреть документальные фильмы о вомбатах и крокодилах, сражаться в онлайн-шаматах, читать статьи о ракетостроении и следить за теми, кто казался ему великими первооткрывателями его времени. Фотографии в ленте, комментарии, жаркие споры о людях, которые, как и Влад, собирались покинуть Землю и осваивать холодный одинокий космос. Иногда по ночам мальчик представлял, как дрейфует в скафандре. Все проблемы поглощала черная дыра, оставалось только бескрайнее полотно, усыпанное зернами сверкающих звезд. Он плыл в никуда, подхваченный течением Млечного Пути, не сопротивлялся, не принимал решений. Просто был – без боли, злобы, смысла. Влад представлял, как утекал кислород и холод пробирался сквозь прорезанный осколками кометы костюм. И где-то на грани удушья, когда в мозгу метались последние слабые импульсы, он наконец ощущал спокойствие.

Детские радостные крики безжалостно вырвали его из безмятежности. Космос озарило палящее майское солнце, звезды сторели в его жаре. Девочка прыгнула на горку, явно стукнувшись копчиком и с визгом вылетела прямо на гравий. Влад рассмотрел царапины на ее пухлых ножках. Ей точно было больно, но она так широко улыбалась и так искренне смеялась, что губы Влада сами дрогнули. Он остановился. Эта мартышка со спутанными соломенными волосами голосила на всю улицу, хаотично махая руками и зазывая мальчонку, который так и не решился скатиться вслед за ней.

– Прыгай! Пры-ы-ы-ыгай! – девочка скакала на месте, словно сайгак.

– Я б-боюсь... Ты грязная. Мама будет ругаться, – промямлил ее брат.

– А если ты не скатишься, ругаться буду я! – кроха-командир грозно топнула ногой. – Давай же, решайся!

Влад отчетливо видел, как у мальчишки дрожат коленки, как он прижимает кулачки к груди и часто моргает. Тот сделал шаг. Еще один. Уселся. Поерзал на горке, проверяя ее надежность. И медленно, со скрипом, хватаясь за бортики, неловко съехал вниз. Сестра захлопала в ладоши и с объятиями набросилась на брата – да с такой силой, что сбила его с ног. Они оба валялись на камнях, пыльные, слегка ободранные. Влад ожидал, что сейчас его оглушит рев, но мальчик неожиданно рассмеялся, скинул с себя сестру и снова помчался на горку. Он слетел с нее молнией, уже не боясь ни царапин, ни мамы. Они наперегонки бежали к обшарпанной лестнице, много лет назад выкрашенной зеленой краской, и, чуть не сбивая друг друга, покоряли горку раз за разом. Влад так и стоял на дороге, любуясь этой легкостью, этой глупой игрой, которая делала детей самыми счастливыми на всей планете. Им не нужен был космос, они не думали о покорении Вселенной – просто жили. Возможно, будь у Влада сестра или брат, он стал бы другим. Под аккомпанемент криков и камней, шуршавших под детскими ботинками, он поплелся дальше.

В деревне – или поселке городского типа, как его горделиво величали жители, – ничего не поменялось. Все те же низкие кирпичные дома с захламленными балконами. Посеревшие

от дождя и времени веревки, на которых сушились тонкие халаты в кислотный цветочек. Бабульки на скамейках, окруженные рвами из шелухи от семечек, каждое утро упрямо накручивающие остатки волос на древние бигуди. Продуктовый с выцветшей розоватой вывеской, на которой еще можно было разобрать: «МАГАЗИН. ОВОЩИ. ОДЕЖДА». Мужики с раздувшимися пузами в нестиранных майках, облепившие деревянную скамейку со столом посередине. Белые теле-тарелки, из последних сил ловившие пару каналов. Дряхлое радио у кого-то на окне первого этажа, затянувшее шершавыми голосами старые песни. Жизнь здесь будто остановилась лет тридцать назад. Не об этом ли мечтал Влад? Замереть во времени, никуда не торопиться, просто подумать. Но упрямое воображение рисовало ему высоты, куда он так стремился, а мечта вопила, что здесь ей не вырасти. Не исполниться. Влад вспомнил слова дяди. Да, если он не выберется отсюда, то застрянет в пережитках прошлого и никогда не попадет в заголовки будущего.

Словно странник, искалеченный безжалостной пустыней, Влад доплелся до старенького дома дедушки. Вот забор, который не защитил бы даже от собак, со скошенными деревьяшками и прорехами в рядах. Вот сарай воспоминаний: здесь валялись вещи, никому не нужные, всеми забытые, отслужившие свой срок, но слишком достойные, чтобы отправиться на помойку. Влад потянул на себя калитку, та впустила его с мерзким скрипом. Слева виднелась одинокая заброшенная грядочка; из земли все еще торчали обрезанные пластиковые бутылки, предназначение которых всегда оставалось для мальчика загадкой. Влад зашел в дом. В деревне никто не запирал двери: красть все равно было нечего. В прихожей он сбросил кроссовки и влез в перекошенные резиновые тапочки на пару размеров больше. Преодолев хлипкую заедающую дверцу с москиткой, Влад пробрался через стрекочущие джунгли круглых бус, подвешенных на нитях, и увидел спящего дедушку.

В груди у Влада поднялась такая тяжелая нежность, что он на мгновение замер. Дедушка с широко открытым ртом дремал в продавленном, местами прожженном кресле. Он сопел, а напротив, на кружевной клеенке, стоял толстый квадратный телевизор, где по экрану змейками ползали помехи. Влад, стараясь не шлепать, проскользнул к креслу и выключил телевизор. Плед, как обычно, лежал на подоконнике. Было ужасно жарко, но исхудавшие руки дедушки с фиолетовыми прожилками и обвисшей кожей казались такими холодными, будто уже не умели сохранять тепло. Влад укрыл дедушку, поцеловал его в родимое пятно на макушке и ушел в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Свежее, слегка скрипящее от порошка белье. Подвязанные тюлевые занавески. Протертый стол в углу, бумага и цветные карандаши. Дедушка очень ждал внука. Мальчика, который ломал грифели, старательно выводил силуэты Солнечной системы. А не злобного подростка, столкнувшего одноклассника с лестницы. Кровать прогнулась под Владом, пробуждая пружины. Он сел на самый край, утопил лицо в ладонях и тихо, жалобно застонал.

В детстве Влад тоже был плаксой – когда чужие взрослые, чье уважение он так хотел заслужить, не могли его видеть. Но тогда он ревел из-за раздавленных муравьев и щенка, скулящего у соседей на привязи.

А теперь он даже не понимал, из-за чего именно плакал. Из-за напуганной Ани? Из-за мамы, которой так и не смог позвонить? Из-за придурка Ильи, который не должен был там стоять? Из-за дяди? Из-за папы? От чего он плакал? Голова гудела. Глаза горели. Горло давилось слезами. Влад даже не заметил, как дедушка сел рядом, – настолько невесомым с годами стало его старенькое тело. Он ничего не говорил, просто гладил внука по спине. Влад оторвал лицо от рук и, не в силах взглянуть дедушке в глаза, повис у него на шее. Он плакал, как ребенок. Громко. Отчаянно. Безнадежно. С дедушкой не нужно было никого из себя строить – быть сильным, как с дядей; или послушным, как с мамой. Влад чувствовал, как уменьшается, превращаясь во Владюшу, которого дедушка десять лет назад кормил гречневой кашей, выти-

рал щеки от шоколада и учил кататься на велосипеде. Мальчик впервые за два долгих года по-настоящему был дома.

Воспоминание третье **Безвременье**

Влад проснулся на рассвете. Он лежал, укрытый пледом; веки саднили и припухли. У кого-то во дворе завывал пес, отвечая на крик петуха о том, что новый день все-таки начался. Влад зажмурился в надежде, что последние сорок восемь часов его жизни были просто сном. Да, наверное, он заболел. Лежит в своей комнате, постанывает от жара, потный, вздрагивает от боли в суставах. Сейчас он откроет глаза, и все станет как раньше. Но, как бы мальчик ни молил об обратном, он очнулся в деревне. Голова ныла, плечи болели под тяжестью вины. Коралловые лучи солнца укрывали бревенчатые стены. За окном виднелся пролесок, куда ребенком он нехотя ходил с дедом, заправляя штанишки в носки, чтобы не встретиться с чудовищами этих краев – клещами.

Влад сполз с кровати на пол, оперся спиной на скрипучий матрас и уставился на стену. Там на кнопках с любовью были прикреплены его детские рисунки. Бумага и цветные линии поблекли за годы, будто мечты мальчика засушили, словно гербарий. Сейчас меньше всего хотелось вспоминать счастливые времена. В мыслях Влада набатом раздавались команды дяди.

– Подъем, – диктовал мужчина. – Хватит играть в спящую красавицу.

И Влад встал. Разложил вещи. Переоделся. Расправил простыню. Раньше он считал раковину в комнате чудачеством, но сейчас она пришлась как никогда кстати. Ему не хотелось покидать маленькое убежище перед серьезным разговором с бабушкой, а следующим шагом утреннего построения всегда была чистка зубов. Мать оказалась права: штудирование дисциплины с дядей не прошло даром. Влад плеснул в лицо ледяной водой и даже не побоялся

набрать ее в ладони и отпить. Он подумывал вылезти в окно и вернуться обратно к ночи. Но это было бы трусостью. Надо было резко сорвать пластырь, поэтому мальчик распахнул дверь и вышел в гостиную.

Дедушка пил чай за маленьким квадратным столом у окна. Перед ним лежала помятая газетка, на кончике носа держались очки с широченными линзами, превращавшими мужчину в мультяшного персонажа: глаза становились огромными и круглыми, занимая большую часть лица. На дедушке была его любимая рубашка с короткими рукавами, потертые, усеянные катышками спортивные штаны и дырявые тонкие тапочки. И он, словно потакая своей одежде, совсем истончился. Рука с кружкой предательски дрожала, роняя капли на стол. При каждом движении запястья кожа складками напознала на ремешок часов. Дедушка покашливал, шурился, лебедем выгибая шею над напечатанными буквами. Он чудовищно постарел.

– Вижу, ты ранняя пташка, – дедушка сложил газету пополам и положил очки на стол. – Небось Женек тебе продыху не давал. Он еще мальцом всех строил.

Влад потупил взгляд. Да, Евгений Олегович ведь когда-то был ребенком.

– Дедуль, я... Я хочу объяснить, – начал Влад, но дедушка поднял руку, останавливая его.

– Пожалей себя, дружок. У нас целое лето, еще успеешь все рассказать.

Он встал с табуретки и, шаркая, подошел к внуку.

– Ух, как вымахал, – дедушка потрепал мальчика по щеке.

– Хорошо, – только и смог сказать Влад.

– Я приготовил твои любимые оладьи, даже греть не придется. Ну что ты встал, как вкопанный? Садись, – дедушка брякнул тарелку на стол. – Нет-нет, помогать не надо, здесь ты гость, так что дай уж старику позаботиться о тебе.

Влад послушно сел за стол и медленно жевал, наслаждаясь каждым кусочком. Дедушка устроился напротив, снова уткнувшись в газету. Древний холодильник успокаивающе гудел, часы отсчитывали секунды. Газета издала приятный шелест, когда мужчина перевернул страницу и встряхнул ее. Снова заорал петух.

– Столько лет здесь живу, но каждое утро мне хочется пристрелить этого пернатого.

Влад чуть не подавился. А потом прыснул от смеха. Дедушка выглянул поверх газеты и с нежностью посмотрел на внука.

– Ну наконец-то ты улыбнулся. А то сидим как на похоронах. Поверь, в мои-то годы я уже порядком устал от этого мероприятия.

– Ну, деда, не говори так.

– Естественное течение жизни. Друзей я теперь не на улице вижу, а под плитами, – заявил дедушка и перевернул страницу. – Вовку помнишь? Вечно прятался у себя в однушке, как сыч. Граблями его было не достать. Зато теперь ему от меня некуда деться. Прихожу, сажусь на скамеечку и травлю ему анекдоты, а он даже заткнуть меня не может. Представляю, как он райскими подушками пытается закрыть уши и бродит себе по облаку, а мой голос все равно вещает похлеще радио. – Мужчина широко улыбнулся.

Влад даже не знал, что дядя Вова умер. Он был крепким мужчиной. В его квартирке вечно боролись за место ковры и гантели с гирями. Ковры всегда побеждали. Влад улыбнулся, вспомнив, как этот смурной дедок висел на стремянке и гвоздями прибивал «персидское чудо» к потолку. А ведь дядя Вова был лучшим другом дедушки. Когда дед мухлевал в картах, Вовка яростно молотил кулаком по столу.

– Олежа, я прибую тебя к чертовой матери! – кричал он, вскакивая с места. – Богом клянусь, прибую!

А дедушка, как озорной подросток, оббегал стол и показывал ему язык.

– Да такой тюфяк, как ты, меня в жизни не догонит, – смеялся он и показывал фигу. – Вот те на погоны.

У Влада никогда не было таких друзей. У него вообще их не было. А вот дедушка всегда легко заводил товарищей. Стоило ему бросить пару своих шуточек, и продавец в местном магазинчике уже тащил за него сумки до дома, а женщины кокетливо улыбались, выбивая коврики во дворе.

– Олежек, а Олежек, – говорила тетя Надя, заправляя локон за ухо, – у меня лампочка перегорела. Приходи, починишь. А потом и плюшками тебя побалую. – И подмигивала.

Но дедуля, еще в тридцать пять потерявший любимую жену при третьих родах, оставался верен своей ненаглядной. Ее фотография в золотистой рамочке всегда красовалась на подоконнике. А рядом – букет любимых подсолнухов, которые дед «воровал» в соседском саду. Еще ребенком Влад видел, как женщина уходила в дом и прикрывала дверь, едва дедушкина голова показывалась над забором. Она могла бы сама срывать подсолнухи и приносить ему, но все знали, как важно было Олеже украсть цветы. Так он впервые сделал ради Лены еще в пятом классе и получил за это заряд соли, после чего неделю учился стоя.

– А дядя Вова, ну... почему он того? – промямлил Влад, отодвигая пустую тарелку.

– Почему-почему! Да старый он был. Все мы там будем.

– И как ты?

– А что я? Живой. Но не переживай, скоро я и с ним, и с голубушкой моей свижусь. Я уж жду.

Влада всегда удивляло, как старики спокойно, а иногда и торжественно говорят о смерти. Он надеялся, что к его сорока годам уже придумают лечебных наноботов, которые будут восстанавливать клетки и предотвращать старение. Ему бы хотелось прожить лет двести, а может, и триста. Ведь столько еще книг, которые нужно прочитать, столько стран, которые хочется увидеть. Ребенком у тебя нет забот, подростком – денег, взрослым – времени. Он давно осознал этот порочный круг. Завтракаешь, проводишь весь день на работе, вечерами готовишь, по выходным убираешься и покупаешь продукты, а раз в год едешь в Турцию. Вот и вся хваленая взрослая жизнь. Но если у Влада будут века, он и успеха добьется, и насладится чудесами природы. Может, он и сам их изобретет, этих наноботов, но сначала, конечно, ракету.

– О, рыбам-то везет. «Этим летом ваш пруд судьбы станет проточным. Вместе с рекой к вам приплывут невероятные возможности». Слыхал?

– Глупости все это. Пруд – это искусственный водоем со стоячей водой. Там не может быть реки. Какая чушь! – Влад сам не замечал, как его голос становился громче и напористее. – Кто вообще в здравом уме верит в гороскопы? Пишут бред, так еще и фактчекинг не делают.

– Что-что не делают?

– Ну, факты не проверяют. Зачем ты вообще их читаешь?

– «Не бойтесь заплывать в мрачные глубины, покорять волны водопадов и знакомиться с рыбами покрупнее», – продолжил читать дедушка, игнорируя внука. – «Возможно, вас ждет эволюция, и вам покорится не только вода, но и суша!»

– Деда, хорош.

– Но гороскопы – это про звезды, а ты у нас тот еще пришелец.

– Не смешно, – надулся Влад, но все же слегка улыбнулся.

День прошел незаметно. Как и неделя. В деревне времени будто не существовало. Только умиротворяющая рутина. Влад вставал рано, заправлял кровать, завтракал с дедушкой, ходил за продуктами, помогал соседке собирать ягоды, решал задачи по математике, писал сочинения по русскому, читал книги из пыльного стеллажа, а по вечерам поддавался дедушке в шахматы. Перед сном он скучал по маме и тихонько скулил под одеялом, когда просыпался от очередного кошмара. *Хруст. Слезы. Учительница-плакальщица. Большие затравленные глаза Ани.*

– Ну что, невесту-то уже себе нашел? – спросил дедушка, отдавая пешку на съедение.

– Деда, ну какая невеста, я даже несовершеннолетний, – ответил Влад, прикинувшись слепым и открыв защиту черного короля.

– Ваше поколение совсем потерялось. Живете по странному расписанию. Для любви нет нужного возраста. Вот ударит в голову – и больше не оправишься. А вы все ждете удачного момента. Женек всегда говорил: мол, денег накопит, квартиру купит. У него уже и машина есть, и звездочек он нахватал, и хоромы в столице. Только вот ездит он один, а дома – мавзолей без признаков жизни.

Дедушка пропустил возможность для фатальной атаки, и Владу пришлось припугнуть его, съев коня.

– А ведь была у него Анька. Хвостиком за ним ходила, обеды готовила, в кино звала. У нее уже трое детей, а Женька так и гонится за собственной тенью.

Имя резануло Владу слух. У него ведь тоже есть Анька. До инцидента она иногда подсаживалась к нему на перемене.

– Что читаешь? – спрашивала она, будто ей правда было интересно. – Сложно как-то. «Верхняя ступень носителя»... Да уж, а мне по зубам только комиксы. Если в книжке нет картинок, я ее даже не открываю. – И улыбалась так, будто только что не сказала несусветную глупость.

Влад просто отворачивался. Он не был наивным дурачком и понимал: она заговаривала с ним из жалости. Ему подачки были не нужны. Она действительно увидит его и заинтересуется, когда он будет стоять на сцене, разрезая ленточку перед взлетом.

– Нет, дедуль. Мне это неинтересно.

– Дурак ты, Владик. Ой, дурак, – качал головой дедушка, поедая королеву. – Не на того равняешься. Вот посмотри на Витька. Да, работа простенькая. Зато жена – умница, сын с мозгами. Любимое дело есть. Ой, подожди.

Дедушка поспешно встал с табуретки. Он открыл буфет и достал рисунок, который Влад заметил за стеклянными дверцами, но не хотел разглядывать.

– Папка твой прислал. Красота же!

Дедушка держал картонку обеими руками и смотрел на нее с таким восторгом, что у Влада защемило сердце. На скале возвышался красно-белый маяк. Он пронзал мощным лучом тучи, а у его основания бушевал разгневанный океан. Упрямая чайка парила над хищными волнами, сопротивляясь порывам ветра. Мальчик знал, что вдохновило отца. Когда-то отношения папы с братом просто трещали по швам и еще не превратились в ошметки ткани. Однажды дядя прислал в семейный чат фотографию из «командировки». Он стоял у этого маяка. Через полгода дядя покинул чат, а фотография осталась. Но на картине его не было. Как не было яркого солнца и сверкающего моря. Была непроглядная ночь. Был шторм. Глаза Влада заволокло гневом. Папа упрямо продолжал любить этого истукана – жестокого, бессердечного. Любил даже тогда, когда Евгений Олегович смешивал младшего брата с грязью, обзывал, презирал. Каждый мазок картины передавал боль, утрату, внутреннюю борьбу и мрак. Радостный пейзаж с фотографии под кистью отца постепенно темнел, будто сама память покрывалась копотью.

Дедушка взглянул на внука и вздохнул.

– Женька всегда был дурьем. Характер у него не сахар, но, вот увидишь, они помирятся.

Влад промолчал и съел короля, впервые победив дедушку.

Этой ночью ему снилось, как руки срываются с мокрых соленых камней. Маяк слепит. Влад кричит, кричит что есть сил, кричит от боли и безнадежности. Внизу, у самой воды, лежит Илья. Он плачет, нога вывернута под страшным углом. Парень тянет ослабевшие руки вверх, что-то лопочет посиневшими от холода губами. Но Влад не помогает ему. Он карабкается все выше и выше, пока не добирается до спасительного маяка. Когда мальчик, дрожа всем телом, свешивает голову с обрыва, то видит только голые камни. Ненасытные волны полакомились Ильей, утанули его в пучину. И только чайка с черными глазами, полными знания и запечат-

левшими грех, парит над Владом, неустанно напоминая протяжными визгливыми криками, что он остался совсем один.

Мальчик подскочил на кровати. Простыня была мокрой от холодного пота. Он открыл окно и высунулся по пояс. Воздуха не хватало. В ушах шумело: то ли сердце, то ли отголосок шторма. Он не мог нормально вздохнуть. Не мог. Его трясло. Казалось, в эту минуту он умрет. *Хруст.* Горло сковало, слезы текли по щекам. *Крик.* Пальцы онемели, Влад не мог их согнуть. *Острые углы ступеней.* Сердце сжалось до размеров горошины. **БЕЖАТЬ.**

Влад не помнил, как перегнулся через подоконник и вывалился из окна. Боль разнеслась по телу. Он полз по холодной мокрой траве, хватаясь за грудь, сминая ткань футболки, которая мучительно душила. Воздуха не было. Он в космосе? Кислород в баллоне закончился? В глазах потемнело. Влад свернулся калачиком в огороде. Как много звезд видно в деревне. В городе звезд нет. Почему так холодно? Он не смог забраться по скале? Что это за свет? Маяк? Да, маяк. Надо к нему. Там безопасно, там есть воздух. Ноги не слушались. Почему сердце так колотится? Так странно. Так страшно. Пожалуйста. Пожалуйста, пусть это прекратится. Точки мухами носились перед глазами. Их разорвал искусственный холодный свет. Маяк. Нужно туда. Влад встал. Нет. Он сидел на траве. Надо встать.

– Подъем! Слабак! – трещал в голове знакомый приказной тон.

Да, если он не встанет, дядя стащит его с кровати. Он ударится об пол. Поэтому болят руки? Свет слепит. Как дышать? Влад не помнил. Надо встать. В школу? Нет, ночь. Где он? Что с ним? Откуда свет? Маяк... Влад свалился на спину. Точно. Это все сон. Он в космосе. Надо расслабиться. Вселенная не обманет. В ней покой. Закрывать глаза. Распластаться. Кончики пальцев закололо. Роса холодила кожу. Он в саду. Он в деревне. Он дышит. Он жив. Полоска света проскользнула по его лицу и погасла, окончательно возвращая Влада в сознание.

– Большая Медведица. Куст. Забор. Луна. Ставни.

У Ани как-то случилась паническая атака на тесте. Она упала в обморок, и потом школьный психолог провел семинар о том, что делать в таком случае. Какой стыд. Если бы дядя узнал, то высмеял бы Влада.

Он встал. Вдох на два, выдох на четыре. Забраться в окно оказалось тяжелее, чем выпасть из него. Влад осмотрел одежду. Вся в разводах от земли и пятнах от травы. Не отстирается. Он скомкал ее и запихнул на самое дно шкафа, чтобы дедушка не увидел. Потом лег на кровать и долго боялся снова уснуть. Ночью, в темноте собственного сознания, его поджидали кошмары. На рассвете, когда глаза уже отказывались открываться, он вспомнил о фонарике. Он найдет, откуда шел свет. Надо будет поблагодарить спасителя. И попросить никому не рассказывать. Хотя загадочный человек-маяк вряд ли с ним заговорит. Он ведь чудик.

Когда Влад проснулся, день был уже в самом разгаре. Дедушка не задавал вопросов, просто поставил перед ним тарелку, не удивляясь внуку в трусах, с разбитыми коленями и ободранными ладонями.

– Полнолуние никого не щадит, волчок, – усмехнулся он, провалившись в кресло напротив телевизора. – Станешь телезвездой. На РЕН ТВ тебя с руками оторвут, – не унимался дедушка.

– Ты же говорил, что у тебя нет соседей справа, – попытался сменить тему Влад. – Ты уверен?

– Разве что прищельцы в саду, – дед уже нескрываяемо хохотал.

– Да, я странный, я в курсе. Лучше ответь на вопрос.

– Уже лет шесть точно. А что?

Дом-на-отшибе с раннего детства пугал Влада. Ночью там горел свет, а днем было тихо. Он стоял на пригорке рядом с лесом. В чердаке темнело круглое окно с рычащими на прохожих осколками витража. В доме смешались миллион стилей: бетонный фундамент был инкрустирован цветастыми донышками бутылок, деревянные брусья сохранили остатки зеленой, крас-

ной и желтой краски, крыша местами состояла из досок, а местами была покрыта проржавевшей черепицей. На участке стоял кирпичный сарай прямиком из фильмов ужасов, а рядом доживали свой век скрипучие качели. Когда Владу было девять, он откопал пыльный талмуд и две недели ознакомился с литературным трудом Мэри Шэлли, пока мама не обнаружила книгу и не отобрала ее. Этой же ночью небо разрезали молнии. И Влад готов был поклясться: если одна из них попадет в Дом-на-отшибе, тот оживет и убежит в лес искать своего создателя.

– Вчера там кто-то был, – мальчик кивнул на страшное здание.

– Охотники за нечистью? – дедушка уже вытирал слезы от смеха.

– Деда! Хватит. Ты меня видел, да? – перешел на шепот Влад.

– Ну, сначала я надеялся, что ты сбежал на ночное свидание, как когда-то я к своей голубушке, – лицо его озарилось игривой гордостью, – но потом понял, что происходит на самом деле.

– И почему ты не помог? – Влад обиженно отвернулся к окну, хотя в глубине души был благодарен.

– Знаешь... – дедушка задумчиво почесал щетину на подбородке. – Я уже вышел из дома, но потом остановил себя. Просто был за углом – на случай, если ты не справишься.

Он протяжно вздохнул, морщинки сошлись у него на переносице.

– Витя тоже от этого страдал по молодости. Тогда не было всех этих психологов и названий, оттого было только страшнее. Мы возили его в город: терапевт, кардиолог. Приходилось покупать много бутылок, чтобы добраться до хороших врачей. Все разводили руками. Мучается ребенок – и все, хоть убей. Леночка извелась вся: плакала, молилась, стоя на коленях. Она и раньше ходила на воскресную службу, но тогда утром первая была у церкви. Потом, уж не помню через кого, мы попали к неврологу. Он-то и объяснил причины срывов.

Дедушка помолчал, будто решая, стоит ли говорить дальше.

– Понимаешь, Женя и сейчас бывает упрямым бараном, а подростком совсем берегов не видел. Мы и не знали, пока на осмотрах врачи не заметили синяки. Он же старшим был, крупным, не таким щуплым и скромным, как Витя. Да еще и ввязался в плохую компанию. Сколько раз мы находили его за школой. Я каждую неделю обыскивал укромные углы. И на горохе Женя стоял, и порол я его, чего уж там. Думали, что хуже уже не будет. А потом – эти проклятые синяки. Женя с другими хулиганами безбожно молотил Витю, да еще и запугивал. Вот нервы у парня и сдали. Задышался он, плакал. А Женю это только сильнее выводило: он прикладывал брата чаще и сильнее. Потом все всплыло. Мы и сдали его в училище, чтобы дурь из него там всю выбили. Ну и вернулся Женек шелковый. Только злее, чем раньше. Стал жить по понятиям. Мол, будь мужиком и все такое.

Дедушка снова замолчал.

– А Вите врач объяснил, что делать. Он внешне-то только плохенький. В душе у него всегда стержень был. Витя кулаками не махал, но умел быть добрым, а это, поверь уж старику, куда сложнее, чем всех подряд проклинать и обиду таить. А вот прощать... Да, прощать, помогать, замечать нуждающихся – тут сердце нужно иметь. И душу широкую. Витя всегда в Ленку был. А Женя в отца пошел...

Наступила тяжелая тишина. Дедушка будто провалился внутрь себя: глаза его смотрели на что-то далекое, оставшееся в прошлом. Уголки губ у него склонились к самому подбородку, а руки были до белых костяшек сжаты в замок. Значит, дядя всегда был таким. И папа – тоже. Впервые Влад почувствовал трепетную гордость за сходство с отцом.

– Ну да... Да... И Лена все лезла по-матерински, когда Вите было плохо. А он тогда сказал как отрезал: все сам. Мол, это внутри сидит. И пока сам не справишься, никто с твоими демонами будет не в силах помочь... Но я рядом. – Дедушка замолчал и сделался совсем маленьким.

– Спасибо, – только и сказал Влад.

Он подошел и крепко-крепко обнял дедушку со спины. Мужчина вздрогнул – то ли от слез, то ли от неожиданности – и нежно погладил внука по руке.

– Оделся бы уже, а то соседки тебя на плечо закинут и прямиком в загс унесут, – дедушка слабо улыбнулся. – Знаю, я язва.

Влад ушел в комнату и просидел там, кажется, несколько часов. Он никогда не видел дедушку злым и не верил, что Евгений Олегович хоть что-то унаследовал от отца. Дедушка с ремнем в руках? Сказки. Влад представил папу. В этом же саду – согнувшегося, будто из него выбили воздух. Мальчик явственно видел россыпь синяков: фиолетовых, желтых, зеленеющих. Видел отца, забитого в угол школьного туалета. Видел, как тот не отвечал обидчикам, не защищался. Стоически сносил каждый удар, каждое ядовитое оскорбление. Видел, как у папы из носа шла кровь, как он стоял на коленях, а над ним возвышался старший брат. Он улыбался так же, как Илья, когда вытряхивал рюкзак Влада. А рядом стояли прихвостни с расплывающимися от садистского удовольствия улыбками. Нет, дядя не изменился. Он ненавидел всех и каждого. На добро отвечал злом, а на зло – насилием. Он никогда бы не нарисовал картину, не бросил бы мелочь бомжующим старикам в центре. Евгений Олегович прошел бы мимо, даже если бы со стаканом сидел его собственный отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.